

Еврейский Тапан



Книза улцы

Евгений Таран

Книга улиц

Москва

«Воймега»

2014

УДК 821.161.1-1 Таран
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Т19

Художник серии: Сергей Труханов

Е. Таран
Т19 Книга улиц. — М.: Воймега, 2014. — 64 с.

ISBN 978-5-7640-0158-6

© Е. Таран, текст, фото на обложке, 2014
© С. Труханов, оформление, 2014
© «Воймега», 2014

Первая
мировая
весна

* * *

Посидим покурим навсегда.
В мире подвенечная вода.
В мире исчезает целый день.
В мире замерзает белый цвет.
В мире ничего такого нет,
Лишь скользят ладони в никуда
И колени бьются о паркет.
В мире подвенечная вода
Размывает зимней грязи след.
В мире ничего такого нет.
Посидим покурим навсегда.

* * *

Вот снова сухость в голове
И тишина во рту.
Мой разум перешёл
Опасную черту.
От тишины такой
Ещё не найдено таблеток.
А небо протекает с крыш
И льётся с веток.
Оно простит мне
Эту немоту.

* * *

В синем небе реют кафки.
Все как будто бы поэты.
В них сокрытые таланты —
Стукачи и дилетанты.

Эти маленькие кафки
В тачке с синей полосой
Перетягивают время,
Громко пахнут колбасой.

Косит время их косою.
Время, что ли, тут косое?
Если стукнуть в древний ясень,
Звон стоит на всю округу.

Если едешь в гости к другу,
То возьми в дорогу сою,
Потому что мясо вредно
И Европа обманула.

* * *

Ветераны грядущего,
Защитники жёлтых песков,
Строят город у моря
И стоят на краю
Котлована.
Горизонт ожиданий,
Где всё учтено,
Скоро будет освоен
Вопреки Леонардо.
В это время
Высоко над Москвой
Снова птицы играют
В небесные нарды,
Летающие вниз.

Шёл по улице —
Меня обогнали два счастливых таджика.
Шёл дальше —
Встретил трёх счастливых таджиков.
Шел обратно —
Снова встретил трёх счастливых таджиков.
Шёл дальше —
Меня обогнали четыре счастливых таджика.

* * *

Любе

Обнажает зима остов древнего мира,
Мы гуляем с тобой по аллеям пустым,
Убегая от звёзд к полутёмным квартирам,
Наблюдая, как в вечность уносимся мы,

Как стоят за углом городские заветы
И фигуры в пальто улетают на юг.
Но объявлен дресс-код. Мы разложим газеты
И повесим пальто на серебряный крюк.

Задрожат на ветру городские ладони,
Предлагая напиток из запаха стен,
И замрут фонари в добровольном поклоне,
Словно поводыри в соблазнительный плен.

А теперь выпьем чай. Сантименты некстати.
Скоро станет светлей, в лужах тронется лёд.
Слепим двух дураков на февральском закате
И, отринув сомненья, продолжим полёт.

* * *

Лена подписана Леной.
Оля подписана Олей.
Света подписана Светой.
Гарик никак не подписан.

Лена придёт во вторник.
Оля придёт в субботу.
Света придёт в понедельник.
Гарик никогда не придёт.

С Леной учились в школе.
С Олей — на одном курсе.
Со Светой — работали вместе.
Гарика не знал никогда.

* * *

Серп и молния, мумия, вкладыши.
Мы махали полотнами красными
И в субботу умели быть разными,
Хочешь, Найман там, Бродский иль Бобышев.
Хочешь, Рейн или стая зародышей,
Петербургской рождённая полночью,
Революцией недоучтённая
И вошедшая лишь в антологии,
Обошедшая правила логики.
На углу в половине девятого
Наблюдая погоду проклятую,
Иссечённую не парадизами,
А худыми от влаги карнизами,
Не Пальмирой — пантерой северной
Представляли свои беспредельности,
Осеняя рассвет передозами,
Подворотней, мостами, архивами.

* * *

Во мраке храма кармы нет.
Карманы полные побед.
Победы нет и храма нет.
И Хам плывёт, а Ной в окне.
И ноет Хам, а Ной хамит
На берегу, где храм Лилит.

* * *

Ворошил Ворошилов,
Будённый будил.
В чистом поле Страшила
Пыльным веником был.
Пыльным веником бил
По полям, по лугам.
Микоянил Каян,
Забивая Госплан.
И затух Тухачевский
На последнем ветру,
Зная лирику жеста
И мозгов мишуру.
На дырявых санях —
По Тверским и Ямским.
На холодных конях —
В закоулки глухие.
Тот, кто спит, не распят,
Не растёрт и не смят.
Он читает стихи
На небесной латыни.

* * *

Военнопленная весна. Распятый посох
Блестит из каждого окна за кучей досок,
За кучей грязного белья, в тени трактира,
Сопоставляя своё «я» с картиной мира.

Видна из каждого окна своя дорога,
Но даль по-прежнему темна, и ждёт итога
Фотографический глазок парадной двери.
В саду тропинок миллион — никто не верит.

И намечают новый путь в тени трактира
Туда, где выросли по грудь все травы мира,
Бродяги солнечной весны, и машет флагом
Им продавщица из окна универмага.

* * *

тебе говорят спокойной ночи
другие мужчины в частных беседах
знающие знаки препинания
начинающие строчки с маленькой буквы
мне не попасть в твой компьютер
наука не знает подобного способа
но каждую ночь глубоко во сне
я разрываю всемирную паутину

* * *

Злые мальчишки с Трубной
Со мной говорили грубо.
Территоряльные споры
Составили суть разговора.
Ведь лучшая девочка Галя
Живёт на Цветном бульваре.
А Москва — большая деревня.
Так помогут ли городские?

* * *

Мять снежные камни,
Внося в них новое содержание.
Держать их за пазухой,
Ощущая время.
С утра была осень,
Смотрящая с крыш.
А теперь снова осень,
Но этот снег
Хорошо скатывается в камни
И раскатывается обратно.

* * *

Когда в водосточных трубах завоет тоска,
Акомпанируя звуку разбитого дня,
Больше не будет следов и не будет песка.
Что-то другое разъединит тебя и меня.
Словно девятым валом, сойдут облака,
Повесив туман вокруг напряжённой руки.
В берег уткнётся флот наверняка,
Нашарит в бреду погашенные маяки.
Вечер качает клетку пространства — вдох.
По коридору слышится эхо — навет.
Это неплохо — кто-то опять помог
Переосмыслить боль и то, чего нет.

* * *

Время парных предметов и дальних походов,
Расплавленной крыши, истомы и лени,
Следов на тротуарах, ведущих навстречу,
Босых силуэтов на стенах из пыли.
Как тебя мне назвать, бестолковое время?
Как спасибо сказать?

* * *

В окне горели све и ча,
И ча лежала на столе,
А све стояла на полу,
Ходили ходики в углу,
И тикали тихонько ти,
И дни хотели все пройти
В огромном и старинном до,
Где все стремились быть предо
И были хоть немного ща,
Когда горели све и ча.

* * *

За гробом шли торговки сладким.
Они бросали в гроб конфеты.
Весна смеялась и играла
Под скрипку старого еврея.
Его повесили на рее,
А скрипка пенилась и пела.
Она как будто стала пивом.
За гробом шли торговки пивом.
Они бросали в гроб монеты.
Потом другие их считали
На перекрестье острых улиц,
Которым не было названья.
Они как будто стали снегом.
За гробом шли торговки снегом
И ничего не замечали.

* * *

Мокрое слово «дождь» падает на лицо твоё.
Небесные архитектуры починяют мировой вентиль.
Это — лучший повод для всего сразу.
Это — лучшее слово для нового места.
Это — глагол «добро».

* * *

Пилигримы и питиримы
На развалинах Третьего Рима
Отыскали верный исход.
Безусловно, спасётся тот,
Кто уходит неуловимо
По далёкой тропе акына.
Безусловно, спасётся тот.
Потому что кредитов тут
Остаётся на пять минут.
Повернёшь колесо спицей —
И завертятся в нём лица,
И доносится с неба лик,
Непонятный, как белый блик.
У названия нет лета,
Потому что забудь это.

* * *

Первая мировая весна.
Троллейбусы ревут и рвут поводья.
Босой возница стоит на часах.
На углах отмечается брожение.
Ситуация требует экстренного торможения.
Но тормоза нет, уж извините.
Идёт эвакуация клерков из Сити.
Клерки бегут с корабля.
Первая мировая весна.
Уже потом предпосылок анализ.
Ну а сейчас воробьи нализались
Неба такого, какое в пятнадцать
Было. И вот оно снова в тридцать четыре.
Нам говорят, что в этом мире
После Каховки и Перекопа такого не будет.
Идите в жопу!

* * *

Расстрельный домик на Лубянке.
К тебе приду я после пьянки,
Когда зажгут свои лучи
Твои агенты и врачи.

Москва зимует в несознанке.
Зато готовит летом танки.
Лубянка, верная сестра,
Поёт нам песни до утра.

А утром разбавляет зелье
Политехническим весельем.
И можно Кремль увидеть,
Когда б не мучило похмелье.

* * *

Монтёры с монтировками
Пойдут себе Петровками,
Варварками, Дубровками.
Пойдут себе Дубровскими,
Босыми Маяковскими,
Бесстыжими Каховскими
И Пестелем сверкая.

* * *

Солнце. Красиво, но холодно.
Жарко лишь в комнате.
В кофте тепло, наверное.
Жарко, но некрасиво.
В кофте можно пить кофе,
Если такая немодная.
Или наклеивать марки
Где-нибудь в Косино.
Солнце, уже не холодно.
Жалко, что нету силы
Взять и выйти на улицу.
Там же тепло, наверное.
Ты уедешь в губернию.
Жалко и некрасиво.
Будешь наклеивать марки
Где-нибудь под Читой.

* * *

Небо летело по небу.
Дорога шла по дороге.
Такое бывает обычно,
Когда наступает хотябрь.
И призрачно, но прозаично
Я чиркал спичками пальцев.
А ветры дули на ветер,
На молоко и на воду.

* * *

Слоны быстрого реагирования
Полетят над нашими головами,
Ставя жирные увесистые точки.
Мир наполнится трубной музыкой,
Будто заиграет духовой оркестр.
Жми коленями подоконники,
А ладонями подлокотники,
А локтями жми подголовники.
Голову отпусти.
Слоны быстрого реагирования.
Сады наземного базирования.
Общество немедленного потребления.
Закон сохранения движения.

* * *

Здравствуй, снега первый хруст.
Здравствуй, Пруст с картинками.
Здравствуй, бюст Гагарина.
И совсем не то:
В поле за околицей
Сдобрен снег землянками,
Склянками, крестьянками
И бе-зу-ми-ем.

* * *

Мы с тобою гуляем
По европейскому лету.
Каштаны цвета резины
И реки вкуса бензина.
Мы с тобою гуляем
И слагаем приметы,
Мы называем предметы
Именами ушедших героев.
Лето в оконных рамах
Везде оставляет память.
Будем как листья падать,
Хватив стакан акварели.
Мы гуляем с тобою
И садимся на мели.
Так наполнено хмелем
Европейское лето.

* * *

Изо рта вылетает ракета.
«Скажи р-р-р», — говорит логопед.
Но привет —
Не летает такая ракета.
Сказал бы он лучше «лето».
«Лето», «лека» и «лакета»,
И седло велосипеда,
Чтобы уехать прочь.

* * *

В полях за Тверью
Теряю связь.
Уже не верю,
Что будет грязь.

Уже не еду,
Скорей лечу.
Соседским бредом
Себя лечу.

* * *

Между метия метили мета.
Не заметили многия лета.
Не поверили в альфа и бета.
Заметали мятные мяты.

А мгновение было мета-
Ослепленье этого света.
И полёт с чистого ската
Обессиленной злой тенью.

* * *

идти по земле ориентируясь по
звукам находок чужих которые бы
ли словно пыльные линии соедини
ли словно лишние чьи-то ша

чьи-то шаги были как звуки которые слы
слышали морду возвысив простейшие ос
лы словно лыко сплеталось в какую-то стро
лы словно веко которое у

которое убегало туда куда мы
сли разносили благуя какую-то ве
стало идти ориентируясь по
звукам словно звонкам запяты

* * *

А теперь молчание, а теперь мгновение.
Замечание, исступление.
А теперь посёлками, а теперь деревнями.
Или ёлками, иль цистернами.
А теперь не осенью, не порой январскою,
Но дорогою да мытарскою.
А теперь не посуху за луной и звёздами.
Косогорами, перекрёстками.
А теперь молекула, а теперь терпение.
Примечание, поселение.
А теперь не ранее, в бело небо синий цвет.
Расписание, комитет.

* * *

Как псевдонароден мой псевдонарод, посмотри.
Он в город выходит и книгу читает внутри.
И не сквернословит, ведёт себя смиренно, ужель?
Скажи мне, Гренада, скажи мне, Малаховка, Гжель.
Скажи мне, Герасим, Лжедмитрий, скажи, псевдоцарь,
Как, тих и прекрасен, Ярило гасил свой фонарь.
Ко сну отходили герои, свершив оборот.
Почто ж ты так псевдонароден, мой псевдонарод?

* * *

Лето — крылья флюгеров.
Небо — крыша над болотом.
Воздухом наполнен ров.
Там невидимое что-то.

Средство против комаров.
Средство против докторов.

Девочка в обложке лета
Пролетает по планете.
Ложка дёгтя в песне той,
Оттого и не допета.

Оттого и не видна
Тень с горы и бодуна.
Тени исчезают в полдень,
Появляются в обед.

Эта девочка пьяна.
Эта девочка одна.

У неё обложка лета
И других сокровищ нет.
Тень бежит за ней по свету,
Оседлав велосипед.

* * *

Гонялся с трезубцем за одноклассниками.
Бросал в них на перемене ластами.
Учительница кричала: «Водолаз хренов!
Чёртова кукла! Выгоню тебя из школы!»
А он красиво уплывал на середину
И улыбался божественно.

* * *

Ю. Б. Орлицкому

Улицы Москвы уводят в лето.
В детство.
В детство — летом.
В лето — в детстве.
Это просто, если летом
Улицы Москвы
Не уводят
Никуда.

* * *

Правильное слово прорастает,
Словно дерево в правильном лесу.
Словно солнце из-за горизонта.
За горизонтом, что-то зонтом открывая,
Ты идёшь по обочине мая.

* * *

В голове твоей перхоть
И другие дела.
Не хотел к тебе ехать,
Но метро завезло.
Свет в окошке шатался —
То со свечкой кретин
Где-то вырубил пробки
И настала пора.
Незнакомые тени
Заходили в подъезд,
И в мумусоропровод
Кто-то бросил шприцы.
Ты снимала там двушку.
Постелила кровать.
Мы пошли купить пива,
Потому что нельзя.

Надписи

1

На мусорных баках номера: 22, 23, 24.
На четвёртом ничего не написано.
Напишу на нём 25.

2

Девочка с жёлтыми листьями,
Напишу про тебя только три слова:
«Девочка. С жёлтыми. Листьями».

Фрески
парадных
подъездов

* * *

Горит осенняя лампада
В крошечно-белом январе
На замороженной коре
Несуществующего сада.

И дети из минувших лет,
Которым объяснять не надо
Значенье маленьких побед,
Гуляют молча за оградой.

Охвачен снегом Летний сад,
И статуи одеты в будки.
Они плутают наугад,
К шумам и шорохам нечутки.

И ноги оставляют след.
И больше ничего не надо.
Горит костёр. Одна отрада —
Значенье будущих побед.

* * *

Фрески парадных подъездов,
Фески серебряной стражи.
Веет, возможно, востоком.
Прочее дышит на ладан.
Мы повстречаемся где-то
На перекрёстке империй.
В городе птиц-арестантов
Ждут восхищённые дети.
Они нам дорогу покажут
В край первобытного счастья.
Лебеди машут крылами
И не хотят возвращаться.

* * *

Словно горное дикое эхо,
Раздавались дворами шаги.
Не враги. Что-то, видно, не это.
Отчего же простились нелепо?
Отчего над домами круги
Беспокойного лунного света?
И кометой летит сигарета
В направлении тёмной реки.

* * *

Каждую ночь люди падают в небо.
Бродят на ощупь в оливковых рощах.

Каждую ночь люди падают в лето,
Во сне повторяя начало куплета.

А лето земное поспешно проходит.
Оно превратится во что-то такое, мелодии вроде.

* * *

Ты сегодня нравишься таксистам.
Пару раз уже сбавляли цену.
Разгулялся ветер в поле чистом,
Я в тебе заметил перемену.

Кровь играет: вот она какая!
И в испуге умолкает разум.
Я сегодня не дождусь трамвая
И нарвусь на всех таксистов разом.

Дебоширить вроде не пристало.
Ты меня толкаешь в хулиганы.
Мы с тобой пока знакомы мало.
Звёзды словно ножевые раны,

Тени словно первобытный танец.
День померк, а новый неизвестен.
Фонаря застенчивый румянец.
Был ли я с самим собою честен?

На ветру слезятся чьи-то окна.
Путь вечерний бесконечно длится.
Ты сегодня нравишься таксистам.
Завтра ты им будешь только сниться.

* * *

Пройди по городу,
Где ты был жив.
Ступи на улицы
Иль сделай вид.

Где не был отроду,
Сегодня будь.
Не надо щуриться.
Не в этом суть.

Сегодня изморозь —
Не сорвалось,
И светит искоса
Забитый гвоздь.

Покрытый инеем,
Как в первый раз,
Ты назван именем
И парой фраз.

* * *

У любви короткая строка
И в конце всегда звучит «пока».
В телефоне мечется «алло».
До свиданья, дорогая О.
Ля в конце звучит скорей как ре.
А и Бе играли во дворе.
У любви короткая строка,
Но в конце не точка, а тире.

* * *

Идёт по улице мальчик.
На устах таджикская песня.
Сын гастарбайтера это,
Тофик, застенчивый малый.
Вот и московское лето.
Тофик несёт одеяло.
Странная музыка где-то.
Ноги заходятся в танце.
Железнодорожная станция
Солнцу подставила шпалы.
Громко поют нелегалы.
Громко поют нелегалы.

* * *

В ожидании костра
Жизнь богата, но пуста,
И в какой-нибудь момент
Крикнуть хочется: прощай.

В ожидании костра
В душу заползает страх.
Страус голову в песок
Закопает невзначай.

В ожидании костра
Трудно сосчитать до ста,
Трудно перейти на «ты».
Ты везде уже не свой.

В ожидании костра
Не смыкаются уста,
И качается луна,
Словно главный часовой.

Берлинское

Ловлю чужие сны
У западной стены
И ощущаю ток
С обратной стороны.

Пойму чужую речь
И прочитаю вслух,
Как небо пересечь,
Как избежать разлук.

На небе синева,
И солнце светит всем.
Нам не нужны слова
Во имя перемен.

Сломает все замки
Цветная птица дня.
У запертой реки
Вам не поймать меня.

Мой путь запретный прост.
Уводит он, маня,
Как будто на погост,
За линию огня.

За линию судьбы,
Туда, где тишина.
Где не копают рвы
У нашего окна.

Где можно по утрам
Смотреться в небосвод.
Забывши прежний срам,
Сидеть у тихих вод.

И вновь найти себя
Бегущим по траве,
Не разделяя жизнь
Единую на две.

* * *

До — это Дом офицера.
Ре — это высшая мера.
Ми — это мизерный шанс
Вас усадить в дилижанс.
Фа — фантастический вечер.
Соль никого не излечит.
Ля — это бунт корабля
Или другая земля.
Си — это просто такси
В стылую зимнюю полночь,
Где, убегая как сволочь,
Кто-то прикажет: вези!

* * *

Слоники, гопники, парк.
Ржавое небо наружу.
Тающий крейсер «Варяг»
Мирное утро нарушил.

Эники, беники, раз.
Было не много, не мало.
Финики, пфеннинги, факс.
Всё повторится сначала.

Кстати, доносится джаз,
Мечутся капли шальные.
Если никто не предаст,
Будем всегда молодые.

* * *

Красное лето с горелой капустой.
В тамбуре правильно, в тамбуре пусто.
Поезд уходит в межзвёздную муть.
Ты постарайся, товарищ, уснуть.

В этом вагоне на всех остановках
Кто-то смеётся ужасно неловко
И сотрясает, как думаю я,
Прочный фундамент небытия.

Едут в вагоне одни лишь химеры.
Лишь обернись — и увидишь примеры.
Каждый стремится себя превозмочь,
Каждый мечтает кому-то помочь.

Кто мы с тобою? Скажи мне, товарищ.
В наших сердцах пепелища пожариц,
В наших сердцах мировые дела.
Нету лишь песни, она бы вела

Нас по-над рельсами, струнами, реками,
Над шаурмою и чебуреками.
Красное лето, добрые дни.
Только, товарищ, не обмани.

* * *

Заколочены ворота.
Кто ты? —
Вопрошает переулоч,
гулоч.
Не нашёл другой себе ты
работы,
Как шататься иноземцем,
турок!
За охотными рядами —
смута.
За лабазами кривыми —
стачка.
Не совался бы в петлю.
Тьфу ты!
Лучше б щупал за углом
прачку.
Шухер в пресненский кабак.
Вам бы ямбы!
У белёсого окна
тень рябины.
В полночь серый человек
сдавит гланды.
Где поминки, ну а здесь
именины.

Содержание

Первая мировая весна

«Посидим покурим навсегда...»	5
«Вот снова сухость в голове...»	6
«В синем небе реют кафки...»	7
«Ветераны грядущего...»	8
12	9
«Обнажает зима остов древнего мира...»	10
«Лена подписана Леной...»	11
«Серп и молния, мумия, вкладыши...»	12
«Во мраке храма кармы нет...»	13
«Ворошил Ворошилов...»	14
«Военнопленная весна. Распятый посох...»	15
«тебе говорят спокойной ночи...»	16
«Злые мальчишки с Трубной...»	17
«Мять снежные камни...»	18
«Когда в водосточных трубах завоет тоска...»	19
«Время парных предметов и дальних походов...»	20
«В окне горели све и ча...»	21
«За гробом шли торговки сладким...»	22
«Мокрое слово «дождь» падает на лицо твоё...»	23
«Пилигримы и питиримы...»	24
«Первая мировая весна...»	25
«Расстрельный домик на Лубянке...»	26
«Монтёры с монтировками...»	27
«Солнце. Красиво, но холодно...»	28
«Небо летело по небу...»	29
«Слоны быстрого реагирования...»	30
«Здравствуй, снега первый хруст...»	31
«Мы с тобою гуляем...»	32
«Изо рта вылетает ракета...»	33
«В полях за Тверью...»	34
«Между метия метили мета...»	35
«идти по земле ориентируясь по...»	36

«А теперь молчание, а теперь мгновение...»	37
«Как псевдонароден мой псевдонарод, посмотри...»	38
«Лето — крылья флюгеров...»	39
«Гонялся с трезубцем за одноклассниками...»	40
«Улицы Москвы уводят в лето...»	41
«Правильное слово прорастает...»	42
«В голове твоей перхоть...»	43
Надписи	44

Фрески парадных подъездов

«Горит осенняя лампада...»	47
«Фрески парадных подъездов...»	48
«Словно горное дикое эхо...»	49
«Каждую ночь люди падают в небо...»	50
«Ты сегодня нравишься таксистам...»	51
«Пройди по городу...»	52
«У любви короткая строка...»	53
«Идёт по улице мальчик...»	54
«В ожидании костра...»	55
Берлинское	56
«До — это Дом офицера...»	58
«Слоники, гопники, парк...»	59
«Красное лето с горелой капустой...»	60
«Заколочены ворота...»	61

Евгений Таран. Книга улиц

редактор:
А. Переверзин

художник:
С. Труханов

корректор, технический редактор:
О. Тузова

Автор фото на обороте обложки — Н. Львова.

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 10.04.2014.
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 4
Тираж 500 экз.



Евгений Таран родился в Москве в 1975 году. Окончил Московский государственный университет печати, кандидат филологических наук. Стихи печатались в журналах «Кольцо А», «Новая реальность», в «Журнале поэтов», на портале «Сетевая словесность», переведены на болгарский язык.